

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

ТАЛАНТЫ НАРОДНЫЕ

В ЭТОТ вечер Виктор Александрович еще на сцене почувствовал себя незанятым, и, сразу же, после второго акта, в котором был занят, ушел домой. На улице мела легкая поэмка, в ровном свете фонарей кружились редкие снежинки. Подошел, мигая разноцветными огоньками, автобус, взвизгнув, распахнулись тугие дверцы. Виктор Александрович похлопал на остановке, поймал укоризненный, как ему показалось, взгляд шофера и, махнув рукой, неспеша пошел по тротуару, осторожно вдыхая морозный воздух. Постепенно проходила усталость, комом навалившаяся на него тогда, на сцене. Видимо, там этого никто не заметил, только какой-то актер, пробегая мимо сидевшего за кулисами Виктора Александровича, бросил на ходу:

— Притомился, Деньгин? Оно и немудрено. Такая нагрузка!

Да, нагрузка была солидной. Ушел из театра один из ведущих актеров, и его роли поручили ему, Деньгину. Не было дня, чтобы Виктор Александрович не был занят в одном, а то и в двух спектаклях сразу. Конечно, тяжело. Да и возраст. Как-никак, до пенсии рукой подать. Конечно, Деньгин мог запросто отказаться от дополнительной нагрузки. Но и не подумал об отказе. И не потому, что понимал, что это повлечет за собой ломку репертуарного плана. А главное потому, что актер Деньгин очень любил сцену.

Дома пахло сухим батарейным теплом и невыветрившимся сигаретным дымом. Виктор Александрович неспеша разделся, положил на стол только что полученную почту, распахнул форточку. В комнату ворвались клубы морозного воздуха. Деньгин прилег на диван, взял в руки газету, развернул. Потом отложил...

НАЧАЛО двадцатых годов. Вятка. Александр Никитович приходил с работы усталый, голодный, приносил

скудный паек. Виктор всегда с нетерпением ждал отца. Знал: отдохнет немного и пойдут они с ним в театр. Нет, не развлекаться, а работать. Александр Никитович в те годы был комиссаром по народному образованию и культурно-просветительным учреждениям города. В театре с почтением встречали бывшего рабочего железнодорожных мастерских, дивились его цепкому уму, четкому представлению того, что нужно сейчас народу. А народу нужно было многое. Нужен был Горжий и Островский, Мольер и Шекспир, Чехов и Лавренев. И еще нужен был хлеб. В квартире Деньгинных тихо умирала от голода сестра Виктора Гаяля...

— Папа, а трудно выучиться на артиста? — спрашивал Виктор отца, когда они шли домой.

— Тут, видишь, какое дело, Витек, — скреб затылок отец. — На артиста — оно бы и не плохо. Да только видно, на работу тебе придется идти. На завод или куда еще. Гаяля-то... Выживает ли?

Но на работу десятилетних не брали. Взяти в детский дом. Там Виктор стал руководить оркестром. Питался сам, кое-что перепало и семье. Весной умерла Гаяля. Потом тяжело заболел отец. Стали получать пенсию. А на нее буханки хлеба на базаре не купишь.

Девятый класс Виктору окончить не удалось. Пошел на завод. Слесарить. На барахолке по случаю купил скрипку. Учился сам. Мечтал играть в театральном оркестре.

Как-то встретил на улице Константина Федоровича Степанова-Колосова, режиссера, о котором всегда с теплотой отзывался отец.

— Здравствуйте, — поздоровался Виктор.

— Доброго здорovia, — ответил артист, проходя мимо. Потом вдруг остановился, позвал.

— Вы, молодой человек, не Деньгин ли будете? Да? Узнал, узнал вас. Сколько вам лет? Семнадцать уже? Ого. А это у вас что? Скрипка? Играете? Как отец? Все болеет? Жить-то поди годично.

Виктор едва успевал отвечать на вопросы. Кончилось тем, что Степанов-Колосов пригласил юношу в только что открытую студию.

— Попробуем в массовках. Получится — роль дадим. Не выйдет — в оркестр. Паек выхлопочем. Мы по-новому театр строить будем. Чапаева знаешь? Хочешь Чапаева сыграть? Ну то-то. Видел я тебя на репетициях, когда ты к нам с отцом приходишь. Часто видел. Ну, так как, договорились?

— Ты, браток, ненавидишь своего офицершуку, потому он и не получается у тебя. Согласен, согласен, любить такого подлеца трудно. А ты поинци в нем что-то человеческое. Не полюби, нет, просто пойми его. Твой герой не смеет должен вызывать а гнев.

Вот так и теперь. Виктор Александрович докурив сигарету, полез за второй. Пачка была пуста. Черт, нельзя так много курить. Что же все-таки делать с этим проклятым Эрнстом фон Мюллером? Он не понимает и не хочет понимать уроков истории. Он умен и упрям. Допустим, что никакой он не на-

строить будем. Чапаева знаешь? Хочешь Чапаева сыграть? Ну то-то. Видел я тебя на репетициях, когда ты к нам с отцом приходишь. Часто видел. Ну, так как, договорились?

Как в конце тридцатого года Виктор Деньгин впервые ступил на театральные подмостки.

С ЭТОГО начался первый акт сценической жизни Виктора Александровича. Была и первая роль. Правда, не Чапаева, а его ординарца Петьки. Хотелось сыграть лихо, с огоньком. Но режиссер сдерживал.

— В образ, в образ вникай, Деньгин. Не иди от внешности...

Сколько раз с тех пор приходилось Виктору Александровичу «вникать в образ». Васяка Пепел из горьковского «На дне», Артур в «Озоде», Фердинанд в «Коварстве и любви», Кассио в «Отелло», Ричард Даджен в «Ученике дьявола». Потом сотни других...

Когда в тридцать пятом пошел в армию, во флот, узнали в отделе кадров, что актер, хотели на берегу оставить. Не согласился. Стал подводником. Тщательно

скрывал свою причастность к театру, боялся, спишут на берег. Потом война, тяжелое ранение, госпитали. Чуть не отняли ногу. Вернулся в театр. И снова роли. Встречи с известными актерами. Разные театры, разные города...

СТАЛО холодно. Виктор Александрович встал, закрыл форточку. Снова прилег. Закурил. Доволен ли он своей судьбой? Может быть, мечталось о большем? Москва, например, или Ленинград. Ах, да не в этом дело. В конце концов, страшна не провинция, страшен провинциализм. Страшно, когда актер начинает «идти от внешности», начинает играть «на публику». Обычно, если до конца вошел в роль, понял своего героя, внес в него что-то свое, — тогда о публике забываешь. Это — трудно. Это невозможно без вдохновения. А его не всегда хватает. Иногда потому, что роль попросту не дает ему ходу. А иногда и потому, что никак не выникнешь, не поймешь героя.

И тут снова вспомнил Виктор Александрович одного из своих театральных учителей актера Аркадия Никаноровича Аркадьева. Вспомнил, как отказывался тогда он, Деньгин, от роли белогвардейского офицера, но его заставили играть. Роль долго не шла. Режиссер нервничал.

А вечером Аркадий Никанорович, обняв Виктора за плечи, гудел в ухо:

— Ты, браток, ненавидишь своего офицершуку, потому он и не получается у тебя. Согласен, согласен, любить такого подлеца трудно. А ты поинци в нем что-то человеческое. Не полюби, нет, просто пойми его. Твой герой не смеет должен вызывать а гнев.

Вот так и теперь. Виктор Александрович докурив сигарету, полез за второй. Пачка была пуста. Черт, нельзя так много курить. Что же все-таки делать с этим проклятым Эрнстом фон Мюллером? Он не понимает и не хочет понимать уроков истории. Он умен и упрям. Допустим, что никакой он не на-

цист, никакой не немец, а просто упрямый человек, отстаивающий свою идею...

И опять в комнате плавают клубы табачного дыма. И опять нет сна. А ведь завтра спектакль!

НАУТРО Виктор Александрович пришел в театр раньше всех. Долго ходил по сцене, потом спустился в зрительный зал. Думал, искал. Говорят, что в жизни человека бывают такие моменты, когда он как бы качественно меняется. Мужает, что ли. Или взрослеет. Деньгин ощутил этот качественный скачок в первый год своей работы в кустанайском драматическом театре. Как-то по-новому стал смотреть на себя, на свою работу. С тихой грустью расстался со своим прежним ампула «героя» — любовника». Правда, и о «характерных» пока еще рано думать. Но о главной роли, о той, которую актер готовит всей своей жизнью, пожалуй, уж пора.

Ну, а если не будет этой самой главной роли? Как-то он спросил своих молодых коллег, что они думают по этому вопросу.

— Главная роль — та, которую актер еще не сыграл, — сказал один.

— А может быть, уже сыграл, но еще не понял, что именно она была главной, — заметил другой.

— Нет, нет, я считаю, что каждая роль в известной степени должна быть в данный момент для актера главной, — вмешался третий.

Виктор Александрович сидел и улыбался. Вспоминалась ему поездка в Москву, игра на сцене прославленного Малого театра. Это был, конечно, успех. Но главная ли роль — профессор Горюстаев?

Деньгин вздохнул на сцену, подошел к рампе. Перед ним пустым темным провалом зиял зрительный зал. Сегодня вечером он снова наполнится людьми, снова будут вызывать к рампе его, артиста Деньгина. Он, вместе со своими товарищами, будет смотреть в аплодирующий зал, кланяться и вновь переживать те волнующие минуты, ради которых прожил долгую театральную жизнь. Так, может быть, все-таки главная роль актера в том и заключается, чтобы правильно прожить эту жизнь, и не только на сцене?

В. ЯСТРЕБОВ.
г. Кустанай.

